

СВОЕ ДЕЛО

Есть в Москве интересный театральный коллектив "Шалом", что на Варшавском шоссе. Руководит им заслуженный артист России Александр Семенович Левенбук. Тот самый Левенбук, которого поколение тридцатилетних знает по "Радионяне", а сорокалетние помнят его выступления в блестящей команде КВН Московского медицинского института, а также как артиста разговорного жанра на эстраде. В 1949 году был закрыт последний из двадцати еврейских театров, существовавших в нашей стране. В 1962 году в Москве пять самых упорных актеров бывшего ГОСЕТА (Государственного еврейского театра) организовали при Мосэстраде еврейский драматический ансамбль. В 1987 году этот коллектив оказался без руководителя. Именно тогда, после долгих перипетий, связанных с утверждением в МК КПСС, коллектив благодаря начавшейся перестройке обрел статус театра — Московский еврейский — и нового руководителя. В этом году театр отмечает свое 10-летие.

- Александр Семенович, каким, по вашему мнению, должен быть еврейский театр сегодня?

— Еврейский театр всегда имел традиционную форму музыкального спектакля, полупарадного, полупластического, пуримшиля (шипиль — иррать, пурим — праздник). Традиционно на Пурим игрался вот такой народный спектакль.

Еврейский театр возник в Румынии, Гольдфаден был его создателем, отцом, режиссером и драматургом. И он писал то, что сейчас называется опереттой или близко к ней, драматическое начало усилилось, и получилось мюзикл. Примерный путь таков. У нас все спектакли тгютуют к мюзиклу, а один — чистый мюзикл. Это "пол-Нью-Йорка мне теперь родня".

Кстати, знаете, чем отличается мюзикл от оперетты или от музыкального спектакля? В мюзикле один критерий: его должны играть драматические актеры.

- А по какому принципу вы подбираете репертуар?

— Репертуар подбирать у нас невозможно. Его нет. В американской газете писали: "Пришел новый режиссер Левенбук, и театр ожил". Это неправда. Пришел новый драматург, и это было главным. Пришел Аркадий Хайт. Автор "Ну, погоди!", "Кота Леопольда", фильма "Паспорт", за который он получил "Нику", автор "Радионяни". Мой старый друг, хотя еще молодой, очаровательный, талантливый человек, высокий профессионал. Он написал нам текст первого спектакля "Поезд за счастьем", который имел большой успех, что позволяло нам безбедно жить, делать декорации, ездить на гастроли — все за счет чистой окультуренности театра. Мы играли в огромных залах. У нас же зал небольшой. Двести десять мест.

Еврейский театр имеет для публики много плюсов и минусов. Плюс — это то, что он единственный в России профессиональный еврейский театр, а минус — многие считают, что у нас играют на еврейском языке. Хо-

Шалом Александра Левенбука

ты в наших спектаклях говорят только по-русски и лишь некоторые песни звучат на идиш.

— В вашем театре идут "Новеллы Севелы". Как вам удалось найти для них сценический эквивалент?

— Мы два с половиной года не могли поставить этот спектакль, потому что мыслили традиционно, думали, как это сыграть, а потом наш главный балетмейстер Визма Витолс сказала: "Я знаю, как это поставить", — и за два месяца сделала спектакль, который мы очень любим. В нем сохранилась форма рассказов, самое сильное, что есть у Севелы, на мой взгляд, и при этом возник зрительный ряд, свойственный театру.

Я и на эстраде очень любил брать, так сказать, такие формы, которые на первый взгляд были совершенно непригодны для эстрады, как и наш дуэт с Лявшинской. Традиционный дуэт — это "белый-рыжий", как в цирке. А у нас были оба — "белые" и оба — "рыжие".

— На что существует ваш театр, ведь билеты недорогие? У вас есть государственная дотация?

— Большинство театров Москвы в основном существует на дотацию мэрии Москвы, которая на 20 процентов выше, чем по России, спасибо Юрию Михайловичу, и Комитет по культуре Москвы в этом смысле, но боюсь переувлечь, беспоскоится с тем, чтобы театрам денег хватало. Что касается цен на билеты, то, если дотируются зарплата, расходы на постановки, почему цены на билеты должны быть высокие? Это неправильно. Мы платим зарплату своим актерам больше, чем подавляющее большинство московских театров. У нас хватает на это денег. К тому же у нас появилась поддержка — компания "Идигов продукт", она стала меценатом нашего театра. Компания многонациональная, во главе ее стоят интеллигентные люди, которые сами выбрали наш театр, с интересом смотрят спектакли, хотят помочь возрождению еврейского театра в Москве. Мы не просто благодарны, мы тронуты таким отношением, потому что они ничего взамен не просят, совсем ничего. Оттого и название не спонсор, а меценат.

— Сейчас у театров большие проблемы с гастролями. А как у вас?

— В этом году мы успешно гастролеровали в Германии, в Сочи, Одессе. Так что на месте не сидишь и средства у нас хватает, причем нет каких-то сверхчужестранных заработков, коммерцией мы не занимаемся.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Готовятся к постановке два спектакля: роман "Шоша" Исаака Бавевича Зингера и "Шлимазл" Иллы Зренбургера. "Шлимазл" ставлю я, а "Шошу" — Визма Витолс.

Спектакль "Шоша" очень сложный, требует больших знаний, большой подготовки, по-настоящему еврейского мировоззрения. Как ни странно, театр к такой глубинной работе был не готов. Но если бы мы не взяли себе такую высокую планку, так

и остались бы театром, который работает на принципах еврейской темы, еврейской ассимиляции, еврейской атрибутики: фрейлекса и фаршированной рыбы. Зингер — очень глубокий еврейский писатель, лауреат Нобелевской премии. Как ни странно, больше всех к нему готовыми оказались Визма Витолс — латышка — и композитор Саша Петров — русский. Они намного быстрее проникли в суть, чем я. Этот роман посвящен Холокосту — главной теме, главному событию еврейской жизни, когда шесть миллионов погибли. И возникает масса вопросов. Как это могло случиться? Как это допустили люди вокруг и сами евреи? Как избежать этого несчастья в будущем? Что в это время происходило в душах евреев, и были ли они евреями или только ими числились? В общем, здесь масса вопросов, которые ставят роман и не дают на них ответа, естественно.

Кроме того, Хайт пишет нам мюзикл, который называется "My coshig lady" — "Моя кошерная леди", отдаленно напоминающий "Пигмалион" Бернарда Шоу, но на еврейские темы. Мы даже решили, что там Хигчис — это Хигман, а Элиза Дулитл — это Лиза Дулитова.

Русская женщина, торговка пивом, оказывается защитницей евреев. Она знает еврейские обычаи, но не становится еврейкой, а становится культурной, или, как мы говорим в "Радионяне", — высококультурной женщиной. У нее появляются как бы вторая культура, и она дает отпор даже антисемитам. Это должен быть очень смешной, современный спектакль, мне кажется, с неожиданным сценическим решением — с интересными музыкальными номерами.

Все ваши спектакли очень лаконично решены в плане декораций, то есть декорации сведены до минимума. Это художественный принцип или это продиктовано условиями вашей сцены?

— И тем, и другим. У нас нет потребности сделать что-то дорогое. Во-первых, как говорится у Шолом-Алейхема: "Бедность еврею к лицу, как черная уздека белой кобылице". Во-вторых, мне лично стыдно, когда "гуляют" в других театрах в расходах на декорации в то время, как по ТВ показывают миллионы погибли. И возникает масса вопросов. Как это могло случиться? Как это допустили люди вокруг и сами евреи? Как избежать этого несчастья в будущем? Что в это время происходило в душах евреев, и были ли они евреями или только ими числились? В общем, здесь масса вопросов, которые ставят роман и не дают на них ответа, естественно.

— У вас есть национальные пристрастия в выборе актеров, то есть они все евреи?

— Нет. Мало того, у меня есть своя теория, которая, так сказать, для ортодоксальных евреев покажется странной. Я бы так сформулировал: мне очень важно чувство настоящего удовлетворения, когда я вижу, как многонациональный зал реагирует на что-то вроде бы сугубо еврейское. "Новеллы Севелы" ставила латышка Визма Витолс. Она не подчеркивает этнографическую сторону наших танцев пластики, ее интересует дух Еврейского духа, который сродни, наверное, духу любого народа, особенно маленького. Поэтому, когда актриса еврейка Алина Вильчик вкладывает что-то свое, остишка Валентина Смольникова — свое, а украинец Александр Груда — свое, получается какой-то такой конгломерат, то есть дружба народов, выраженная еврейским театром. На мой взгляд, от этого мы выигрываем, люди духовно становятся богаче и в зале, и на сцене.

Беседу вел
Николай СЕКУЛИЧ